

Пролог

Он знал, что его сейчас убьют, как убили предыдущих четверых. Трудно сказать, как он понял, что именно убили, — его лицо было закрыто грубой тканью, а убийца действовал тихо. Даже его шаги по камням пещеры были нечеловечески легки.

Просто дыхания вокруг становилось все меньше. На одно. На два. На три. На четыре. Дыхание сменялось особой тишиной — тишиной смерти.

Убийца уже стоял рядом. Не только связанные руки мешали умереть... ну хотя бы в драке, как достойно мужчины. Еще что-то. Какое-то колдовство, темное, тяжелое, как грозовая туча, прижимало к камню, не давало подняться с колен, гнуло голову к груди. Он пел, тщетно пытаясь перебить это колдовство, но песня умирала на губах, теряя силу.

Самой болезненной была мысль о девушке, к которой он больше не придет. Она подумает, что он обманул ее. Что нашел себе другую. Что забыл.

У девушки были медно-рыжие волосы и озорные глаза. Он все еще пел и вспоминал ее лицо, когда его дыхание оборвалось и сменилось тишиной.

Убийца бережно забрал подвеску с его шеи только теперь.

Снаружи, у входа в пещеру, на ветке ольхи с неуместной радостью и нежностью пела малиновка,

мешая убийце сосредоточиться. Птичка-посланница влюбленных, птичка-проводница душ. Убийца поморщился — хватит уже этих знаков. Он, не особенно глядя, щелкнул пальцами — поток острого, режущего ветра полетел в маленькую певичку.

Две ветки ольхи дрогнули и упали наземь, срезанные как ножом, посыпались мелкие шишки. Малиновка вспорхнула и улетела. Пусть ее.

Песня самого убийцы полилась легко и победно, в ее звуках было торжество выигранного боя и неотвратимость камнепада. Он сделал то, что хотел.

Глава 1

МИР, ГДЕ ГОВОРЯТ ЦВЕТАМИ

Уходить из дома навсегда надо как можно незаметнее.

Эшлин заколола медные волосы в высокую прическу, чтобы не тербить кончик привычной косы. Иначе это слишком выдавало бы ее тревогу, что мать могла заметить. Сегодня, в день совершеннолетия наследника, когда к семье Муин рода Ежевики придут гости, проще всего незаметно исчезнуть.

Стоило задуматься, плетистая роза больно уколола палец. Эшлин прижала его к губам, чтобы не вскрикнуть, привлекая внимание. Ей нужна была хотя бы четверть часа в тишине и одиночестве, чтобы понять, какую глупость она задумала, ужаснуться и... отправиться по намеченному пути дальше. Без сожалений. Как и положено взрослой, хоть и юной ши.

Павильон над рекой, который украшала к празднику Эшлин, был местом величественным и изящным одновременно. С холма от павильона спускались 23 розовые мраморные ступени к пристани, а с другой стороны — пруд с красными и белыми водяными лилиями, отражавший небо. С крыши павильона Эшлин видела и сосновую рощу, и холмы вдалеке, и дорогу, которая в речной долине выглядела так нарочито, словно ребенок провел посреди картины жирную полосу оrehовыми чернилами.

Эшлин перевязала палец платком и продолжила оплетать крышу павильона стеблями плетистых роз. Роза оранжевая, как тревожное полнолуние, — радость долгожданной встречи. Роза розовая, рассветная — начало чего-то нового, первый шаг дороги. Цветы имели смысл. Всегда. Цветы говорили, говорили и травы, и деревья.

Будь Эшлин такой же, как другие ши, укол шипа затянулся бы раньше, чем она расправила очередной бутон. Затянулся бы, если бы не то, что она совершила год назад. Та глупость убивала ее, понемногу отнимая силы.

«Если не выйдет все, что я задумала, то я хотя бы попыталась», — упрямо вздохнула Эшлин про себя, вытаскивая из сплетения листьев очередной бутон, розовый, тугой, нежный. Он тонко пах лимоном и сладостями, какие готовят на свадьбу, и речной водой одновременно. Если принюхаться — начинала приятно кружиться голова. Еще так пахло от матери. От ее волос, платьев и лент.

Вырастить розы куда проще, чем сделать из них приличное украшение, расположив цветы не только верным рисунком, но и с верным смыслом. Для Ройсин, матери Эшлин, сад был тем самым шедевром, который отличает мастера от профана, поэтому к приходу гостей в нем все должно было быть идеально. До идеала оставалось еще около трети круглой крыши. Хорошо, что правило приличий, которое запрещает тратить магические силы на то, что можно сделать и без них, уберегло Эшлин от очередных объяснений, почему она не может снова надеть свой Кристалл Души. Даже больше одиночества и бессилия ей за этот год надоело вранье близким.

Признаться? Превратиться из «Эшлин-от-которой-одни-неприятности» в «Эшлин-от-которой-невиданные-и-неслыханные-неприятности»? Ну уж нет. Упря-

ство, присущее ши, юности и всему роду Ежевики, убеждало Эшлин исправлять то, что она натворила, самостоятельно.

Вот исправит — можно будет признаться. Или нет.

Шорох быстрых ног по песку и блеск солнца в рыжих волосах ознаменовали появление героя этого дня, младшего брата Эшлин — Мэдью. Именинник неся большими прыжками по тропинке мимо павильона. Мэдью не отличался терпением, поэтому весь вчерашний день ныл, что торжество только отдаляет его от подарков и обретения Кристалла Души, а значит, от вожделенной взрослой жизни. Сейчас он был похож на пятнистого охотничьего пса, который прыгает вокруг и норовит уронить хозяина, посуду, только что украшенный стол, произвести в доме как можно больше разрушений, а после этого сесть в единственном свободном от осколков месте и высунуть язык, намекая, что это все вокруг криворукие растяпы, а он хороший мальчик.

Эшлин прищурила один глаз и метко запустила брату в затылок розовым бутонем. Попала. Мэдью подпрыгнул и резко развернулся, задрал голову.

— Эш! Только мое благородство, которое запрещает бить сестер...

— Придержи громы и молнии, — усмехнулась девушка. — Будешь драться, уроню на церемонии твой Кристалл, и нарекут тебя в истории семьи Мэдью Грязная Душонка.

— После того, как тебя — Эшлин Косые Руки.

Она рассмеялась и сжала второй бутон так, что легкие розовые лепестки разлетелись в разные стороны. Запах цветов сделался нестерпимо резким, будто Эшлин окунулась в бочку розовой воды с головой. Мама неизбежно покривила бы нос и сказала: «Умеренность, дети. Умеренность — условие красоты».

— Куда ты так несешься, братишка?

— Сейчас принесут оправу для Кристалла. Я хочу посмотреть.

— Ты будешь ее носить, пока жив. Успеет надо-
сть, — фыркнула Эшлин и привычным движением
сжала пальцы над грудью. Раньше там было изящное
ожерелье, где в глубине серебряных листьев ежевики
прятался камень. Ее Кристалл Души.

— Да уж точно не потеряю! — рассмеялся Мэдью
и ускакал в глубину сада, не в силах стоять на месте.

Эшлин сжала кулак сильнее и зажмурилась. Нельзя
желать провалиться сквозь землю юному дураку, кото-
рый очень нужен, чтобы исправить содеянное. Нельзя.
Даже если очень хочется.

Она любила младшего колючей и нежной родствен-
ной любовью, как истинное дитя Ежевики. Ехидства
в ее словах было больше, чем ласки, но это не мешало
сестре и брату держаться друг друга всегда с того дня,
когда Мэдью впервые пошел, придерживаясь за руку
Эшлин. Мама говорила, что с возрастом сладость берет
верх над шипами. Это называется мудрость.

Когда последний бутон был вплетен, Эшлин пере-
бралась с крыши на ветку стоявшей рядом сосны и по
ней ловко, как белка, спустилась на землю. Ветки по-
могали ей, поддерживая, словно дружеские руки. Песок
хрустнул под ногами, тяжелый и влажный. Утренний
туман уже сполз с холмов в долину, но сад блестел от
капель росы, будто только что вынырнул из воды, не
успев отряхнуться. В ивовых ветвях у пруда трещали
и ссорились две сороки. Они взлетели над беседкой,
а на тропу перед Эшлин, кружась, опускались белое
и черное перья. Девушка покачала головой, представ-
ляя, какими бы они с братом были птицами, и побежа-
ла к дому. На песке почти не оставалось следов — по-
ходка ши была слишком легка. Пробежать по шелковой

ленте, разложенной на песке, не сбив ее и не смяв, для Эшлин было не сложнее, чем заплести косу.

Тяжелую дубовую дверь украшала кованая ручка, от которой по светлым доскам расползались во все стороны медные стебли ежевики с листьями, цветами и ягодами. Сразу за ней открывался просторный зал с камином, а южную стену заменяло огромное окно, открывавшее вид на сад и даже кусочек реки вдаль. Эшлин тревожило странное чувство, в носу и горле пощипывало, будто она нанюхалась полынного дыма. Раньше ей не приходилось особенно подмечать, как здесь красиво. Красота окружала ее всегда. О ней не стоило думать. Сейчас, когда дом мог навсегда остаться в прошлом, он становился важнее. Тонкая медная вязь, цветные стекла светильников, теплая краска настенных вышивок шелком, шерстью и лентами, складки занавесей, потолочный можжевелевый веночек с белыми звездами бисерных цветов.

— Сегодня к нам придут важные гости... — мать, сидевшая в глубине зала, могла бы этого и не говорить. Ее пальцы, старательно сплетающие в паттеран дубовые веточки, сообщали о том, что придёт старший из рода. Эти маленькие букетики не увянут во время всего торжества, зато каждый гость, подойдя к столу, поймет, где именно ему предстоит сесть. Да и представляться будет удобнее.

Отец Эшлин, Каллен Винодел из семьи Муин, был истинным ши рода Ежевики — «тем, кто благословляет вино и хлеб, дом и сад». Из его рук выходили вещи, наделенные красотой и силой, — светильники, навещающие цветные добрые сны, поющие чаши, ларцы, открывающиеся лишь хозяину, ключи, прилетающие в руку. Он никогда не повышал голос, был мягок с детьми, ласков со зверями и птицами, никогда не ел мяса. А еще на все праздники ши именно он творил вино

и умел создать вино радости, вино светлой печали, вино поэзии и вино памяти.

Это светлая ипостась Ежевики. Каллен Винодел воплощал ее в себе. Темная ипостась — дурман, изворотливость, коварство. Каллен радовался, что ни он, ни дети не знали искусства темной стороной, и не верил в мрачное предсказание над маленькой Эшлин. Судьбознатцы ошибаются тоже.

Такие, как Каллен, чаще всего выбирали невесту в семье Куэрт, Яблони, рода Боярышника. Улыбчивые красавицы, славящиеся почти белым золотом волос и здоровой полнотелостью, мастерицы яблочного сидра, умели исцелять больных и раненых и лечить раны самой земли. Или в семье Ур, Вереска, рода Вяза, рождавшей хрупких стремительных танцовщиц, голубоглазых, с бубенцами в иссиня-черных косах, на запястьях и щиколотках, смешливых и отважных хранительниц тайн меда, пчел и пустошей. Но нет. Он полюбил ту, что полюбил. Высокую, строгую и гордую Ройсин, дочь семьи Ньин, Ясеня, из рода Березы, дочь филида — говорителя закона и повелителя гейсов. Филиды ши чаще всего происходили из семьи Ньин.

Ройсин была безупречна. С ее прямой спиной, гладкой прической цвета теплой древесины, запахом розовой воды, которой она умывалась и ополаскивала волосы и которую готовила сама. Она редко смеялась, редко выходила из себя, редко, но тепло и заслуженно хвалила детей, ничего не забывала и считала страх дурной привычкой.

Были ли родители счастливы? Вино отцу удавалось всегда. Паттераны матери — тоже. Они не говорили о счастье. Они творили мир вокруг, и этот мир был красивым, теплым и счастливым.

В составе паттерана нельзя ошибиться — иначе крупное оскорбление придется заглаживать годами.

Основа его должна соответствовать положению гостя, оплетка — вежливости принимающей стороны. Можно добавить что-то свое, не от семьи, от себя, но это чуть излишняя искренность — выражение личного отношения.

Дуб и вьюнок — старший в роду,
ты украшаешь собой нашу жизнь.
Лилия и земляника —
мы раскрываем объятия юной невесте.
Белая сирень и клевер —
мы скучали по тебе, наследник рода.

Легенды ши полнились сюжетами о паттеранах. О том, как предупредил героя о коварном враге спрятанный среди торжественного мирта аконит — «опасность», как расстроил свадьбу развернутый вниз фиалковый — «отвергнутая любовь» — букетик в венке из омелы. А был бы развернут вверх — ничего бы не случилось, «отданная и разделенная любовь».

Эшлин наблюдала, как легкий вьюнок оплетает дубовые листья, подчиняясь почти незаметным движениям пальцев. Мать выждала немного и продолжила:

— Я понимаю, что клятвы надо блюсти. Но старшейшины не зря говорят, что есть случаи, когда разрешены послабления, если клятва принесит страдания твоей семье. Достань свой Кристалл, девочка. Я разрешаю.

Эшлин вздрогнула, когда мать, отложив готовый паттеран на льняную скатерть, провела пальцем по черной обсидиановой шкатулке, стоявшей неподалеку, на возвышении. В такие на время клали Кристаллы тяжело провинившихся ши — обсидиан полностью перекрывал связь между Кристаллом и его хозяином. Ши мог сделать это и сам, добровольно беря наказание за известный ему проступок. Именно этот обычай помог Эшлин скрыть, что Кристалла у нее больше нет. Родители легко

поверили, что упрямая и гордая дочь решила сама себя наказать за что-то, о чем не хочет рассказывать.

Ненависть к необходимости врать помогала врать уверенно.

— Нет. Это трусость, — нахмурилась Эшлин, сжимая кулаки. — Если ты дал клятву чего-то не делать, ты не сделаешь этого и перед лицом смерти. Иначе к чему такие обеты?

— Есть важное для твоего клана, девочка, — мать подхватила две незабудки, веточку березы и стебель наперстянки, раздумывая, каким образом будет лучше их соединить.

— Я справлюсь так, — легко выглядеть решительной, но сложно быть ею, когда внутри все сжимается, а слова, которые ты повторяешь, сливаются в одно, будто заклинание — мама, неоткрывайнеоткрывайнеоткрывай...

Откроет — и увидит, что Кристалла нет. И что тогда?

— Это опасно не только для тебя, но и для Мэтью, — голос матери стал звонче, наперстянка под ее руками хрустнула, теряя несколько цветков в нижней части.

— Скажешь, что я не удержу Кристалл те мгновения, которые полагаются?

Эшлин шагнула ближе к напольному подсвечнику и провела над ним несколько раз рукой, рассекая пламя. На светлой коже проступили алые полосы. Такие же бывают от холодного железа — огонь жжет ши слабее, железо сильнее.

— Эшлин! — мать уронила недовязанный букетик, и веточки разлетелись по полу. — Перестань же!

— Не сомневайся во мне, мама. Хватит тех сомнений, которыми я сама себя связываю!

Ройсин поджала губы и принялась собирать с пола ветки. Пожалуй, теперь она будет молчать до самой церемонии — чтобы не поссориться сильнее и под-

черкнуть свое недовольство упрямством дочери. Одиночество жгло в носу и наливалось комом в горле. Оно пахло сырым ветром в скалах.

Маленькая ложь тянет за собой еще одну и еще. Хотелось просить прощения. Обнять маму — скупая на объятия сама, Ройсин никогда не отгалкивала близких. Но никто не должен знать, что в обсидиановой шка-тулке пусто.

Кристалла Души Эшлин из семьи Муин рода Еже-вики нет в этом мире.

Один дурной человек взял и сделал из него игрушку. И теперь девушка-ши хуже ребенка. Нет, хуже калеки — ребенок вырастает, а Эшлин вернет себе Кристалл или останется такой навсегда. Не владеющей своей магией. Почти лишенной ее. Пустоцветом.

Эшлин не уходила. Она стояла, прислонившись спиной к двери, чувствуя чеканку сквозь тонкую ткань платья. Изгибы цветов и листьев впивались в кожу между лопаток. Мать делала вид, что в зале больше никого нет, и задумчиво вертела в руках ветку рябины. Явно думала, что к ней добавить, наверное, поссорила с кем-то из будущих гостей.

Паттеран — это всегда трудно. Ты говоришь от лица целого рода, что именно думаешь о госте. Каким он предстает в твоих глазах. Если бы мать не умела скрывать чувства глубоко внутри, Эшлин бы точно сегодня огребла букет чертополохов с терновой веткой в середине. Чем больше колючек, тем лучше.

Обожженная свечой рука ныла, напоминая о том, что только в балладах после ярких сцен сразу наступают пир победителей. В жизни герой еще долго залечивает раны и думает, как его угораздило сделать то, что он сделал. Матери даже не приходит сейчас в голову, что легкий ожог обычным огнем еще не пропал с кожи дочери. Такая безделица для ши.